Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 218–225
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):218–225

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-218-225

ЕВРОПА И РОССИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Лариса Александровна Лобова[1], Александр Михайлович Старостин[2], Елена Николаевна Тованчова[3]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lora.lobova2009@yandex.ru
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, amstar2912@ mail.ru
[3]Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, Just_ien@mail.ru

Аннотация. В статье с позиций современных российских политических документов (Послание Президента РФ, Концепция внешней политики РФ) рассматриваются процессы развития и утверждения цивилизационной идентичности России и Запада, обусловливающие в ряде аспектов современные конфликтные ситуации и процессы глобального уровня. Показано, что развитие глобальной цивилизационной идентичности выступает в качестве нового формата социальной глобализации – децентрализованной глобализации. Применительно к российской цивилизационной идентичности показаны доктринальные истоки ее почвеннической модели, заложенные в трудах Н. Я. Данилевского и оппонирующей ей западнической парадигмы, лежащей в основе концепций модернизации и конвергенции России по западной модели.

Ключевые слова: «полный мир», глобальное доминирование, глобальная децентрализация, государство-цивилизация, Европейский Союз, цивилизационный суверенитет, почвенническая парадигма, западническая парадигма

Для цитирования: Лобова Л. А., Старостин А. М., Тованчова Е. Н. Европа и Россия в цивилизационных координатах современного глобального мира // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 218–225. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-218-225

Politology and Ethnopolitics

Original article

EUROPE AND RUSSIA IN THE CIVILIZATIONAL COORDINATES OF THE MODERN GLOBAL WORLD

Larisa A. Lobova[1], Alexander M. Starostin[2], Elena N. Tovanchova[3]

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lora.lobova2009@yandex.ru
[2]Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, amstar2912@ mail.ru
[3]Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, Just_ien@mail.ru

Abstract. The article examines the processes of development and affirmation of the civilizational identity of Russia and the West from the standpoint of modern Russian political documents (the Message of the President of the Russian Federation, the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation), which determine modern conflict situations and processes at the global level in a number of aspects. It is shown

© Лобова Л. А., Старостин А. М., Тованчова Е. Н., 2023

that the development of global civilizational identity acts as a new format of social globalization – decentralized globalization. In relation to the Russian civilizational identity, the doctrinal origins of its soil-based model are shown, laid down in the works of N. Y. Danilevsky and the Western paradigm opposing it, which underlies the concepts of modernization and convergence of Russia according to the Western model.

Keywords: "full world", global domination, global decentralization, state-civilization, European Union, civilizational sovereignty, soil paradigm, Western paradigm

For citation: Lobova L. A., Starostin A. M., Tovanchova E. N. Europe and Russia in the civilizational coordinates of the modern global world. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):218–225. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-218-225

Перечитывая доклад, подготовленный к 50-летию «Римского клуба» [1], невольно обращаешь внимание на одну из главных его идей – «полного мира». Авторы подчеркивают, что не только в сфере глобальной экологии человечество столкнулось с «пределами роста» в контексте сложившейся системы социальных и инженерных технологий к природным богатствам планеты Земля. Речь идет и о «пределах роста» экономических, политических, социокультурных отношений: «Сегодняшний кризис не циклический, но усиливающийся. Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы» [1, с. 3]. И, продолжают авторы доклада: текущие форматы международного сотрудничества и глобального управления неэффективны, но те, которые придут на смен, могут быть гораздо лучше [1, с. 14].

У данной идейной платформы немалое число сторонников не только среди ученых, общественных деятелей, экономистов, но и у ведущих политиков. Однако, спустя 5 лет после обнародования и последующего обсуждения данной платформы, мы столкнулись, прежде всего на деле, в контексте резко ускорившихся глобальных и межгосударственных отношений, и с иной идейной платформой, конкурентной по-сути. Речь идет не только о сохранении глобальной социальной однополюсной иерархии под патронажем США, но и о ее закреплении не только экономическими, но и военно-политическими средствами, балансируя на грани глобальной ядерной катастрофы и допуская возможность цепи локально-региональных ядерных конфликтов как инструмента поддержания моноцентрического глобального порядка, впику нарождающемуся децентрализованному глобальному миру.

Эпицентрами и полигонами столкновения двух полярных доктрин оказались: Восточноевропейский регион, опирающийся на конфликт России и Украины; Дальневосточный регион с будируемым конфликтом Китая и Тайваня; в перспективе – Ближневосточный регион, включающий конфликтный потенциал Израиля и Ирана, а также напряженными отношениями между рядом других государств в этой части. Наиболее масштабным ныне выступает восточноевропейский конфликт, где быстро развиваются объемные боевые действия.

Остановимся подробнее на анализе развития данной ситуации и прогнозах ее перспектив.

Исторически, в последнее столетие в данном регионе уже прошли две мировых войны, где негативно лидерская миссия выпала на Германию и Россию. По итогам этих, по сути, макрорегиональных конфликтов поэтапно и последовательно шло продвижение США к глобальному доминированию. Параллельно снижалось глобальное влияние стран Европы (разрушение прежней колониальной системы) и быстро выросло международное влияние Советской России. Однако внутрикризисные процессы в СССР, поддерживаемые извне, и трудности его роста привели

в конце концов к развалу советской системы и разрушению патронируемого ею одного из двух глобальных центров политического и экономического влияния.

С начала 90-х годов началось успешное оформление однополярного глобального мира под патронажем США. Однако данная система не вполне развернулась из-за опережающего роста Китая, Индии и ряда других государств, с одной стороны, и кризисных проявлений в рамках Западного мира, который не справился с переходными процессами, от индустриального к постиндустриальному укладу на глобальном уровне. К тому же, частично вышли из-под контроля процессы расширения круга государств – обладателей ракетно-ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а, с другой, – глобальные социально-экологические процессы.

В итоге глобальное управление и влияние, основанное на доминировании одного из глобальных центров, оказалось неэффективным, а в ряде случаев – и разрушительным. Главным на глобальной повестке дня оказался вопрос о неделимости безопасности в децентрализующемся глобальном мире. Риски глобальной безопасности резко возросли не только из-за стремления к утверждению глобально-монопольной системы управления, но и из-за динамичного расширения «ядерного клуба», в который ныне уже входят 9 государств из разных частей мира. А в ближней перспективе их число может увеличиться до полутора-двух десятков.

Поэтому важен и опыт, и рациональные проекты грядущего децентрализованного, но сбалансированного и управляемого миропорядка. Наиболее потенциально опасным, но в то же время перспективным при конструктивном и здравомыслящем подходе, остается макрорегион «Россия-Европа».

В то же время потенциал конструктивности в этих отношениях распределен неравномерно. Если современная Россия, опираясь на свой природно-ресурсный и военно-политический потенциал, быстро восстанавливает полноту своего суверенитета, столь же быстро дистанцируясь от европоориентированных конвергентных трендов развития, то Европа, напротив, в том числе и из-за потери данного конвергентного потенциала быстро утрачивает свой политический суверенитет. Как ни странно, но одним из способствующих этому базовых условий стало движение к межгосударственной консолидации, создание Европейского экономического сообщества и, в то же время, расширение НАТО и подчинение консолидированных экономических связей военно-политическим под предлогом укрепления безопасности. В итоге доминирующую роль в данной системе заняли военно-политические структуры США. Они, по сути, и завершили мирным путем перевод своего основного экономического и политического конкурента в подчиненное, вассальное положение. Построение такого рода глобального вассалитета шло параллельно в течение 90-х годов XX в. – 2010-х гг. XXI в. на протяжении почти 30 лет применительно и к Европе, и к России. Первой встрепенулась Россия, быстро терявшая свой суверенный потенциал. Что касается Европы, то порядка пяти лет назад из объединенной Европы вышла Великобритания, рассчитывая на восстановление своего суверенитета (хотя пока и не слишком в этом преуспела). На очереди – Франция. Хотя, как показывает анализ, еще в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. у объединявшейся (но еще не до конца достигнувшей своего полного формата) Европы, еще наблюдались интересные и вполне значимые попытки сохранения и наращивания своей субъектности.

Так, еще совсем недавно, после распада Советского Союза и присоединения к ЕС бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы, ведущие страны «Юга» ЕС (Франция, Испания и Италия) забеспокоились о том, что рост сотрудничества – особенно финансового – с восточными странами, рассматриваемыми в качестве потенциальных членов ЕС, будет происходить за счет средиземноморской политики ЕС [2, 3].

В 1995 году они обеспечили создание евро-Средиземноморского партнерства – так называемого Барселонского, включающего пятнадцать стран-членов ЕС и двенадцать стран-членов Средиземноморского региона: Алжир, Палестинскую автономию, Кипр, Египет, Израиль, Иорданию, Ливан, Мальту, Марокко, Сирию, Тунис, Турцию. Кроме того, Ливия, подвергшаяся с 1992 г. санкциям ООН (приостановленным в 1999 году и возобновленным в 2003 году) за участие в актах терроризма, а затем европейскому эмбарго (введенному в октябре 2004 года), присутствовала на заседаниях только в качестве наблюдателя.

Главной целью этого партнерства являлось содействие совместному строительству "евросредиземноморской зоны мира, стабильности и безопасности", функционирующей в рамках институциональной структуры, включающей двухуровневый механизм: двусторонний, через межгосударственные соглашения об ассоциации, и многосторонний. Это Евро-Средиземноморское партнерство предлагало проектный подход и создание свободной торговли путем снижения таможенных барьеров, а также инструменты финансового сотрудничества для ускорения экономических преобразований в странах южного побережья.

Число стран-участниц партнерства впоследствии сократилось, когда Кипр и Мальта вступили в ЕС в мае 2004 года. Так называемый Барселонский процесс, по-видимому, дал ограниченные результаты: разрыв между уровнем жизни в Европе и Восточным и Южным побережьями Средиземного моря все еще велик, и этот процесс сталкивается с бесчисленными случаями инакомыслия на Юге и отсутствием прогресса со стороны Союза арабского Магриба (АМУ) [4].

Трудности, с которыми столкнулся Барселонский процесс в достижении своих целей, стали очевидными, когда лишь половина глав государств и правительств стран Южного и Восточного побережья приехали на празднование десятилетней годовщины партнерства. Успех и неоднозначность вынашивания новой геополитической структуры стали понятны на фоне, когда геополитические последствия отсутствия средиземноморской интеграции считались разрушительными, что подчеркнул в то время кандидат в президенты Франции Николя Саркози, выступая с инновационным проектом. 7 февраля 2007 года на выступлении во французском Средиземноморском военно-морском порту Тулон, когда его избирательная кампания была в полном разгаре, он выдвинул идею «Средиземноморского союза», который подразумевал Средиземноморско-центрическую межправительственную, а не европейскую перспективу сообщества. Цель состояла в том, чтобы предложить всем странам Средиземноморского региона эксклюзивный эгалитарный Партнерский процесс, с помощью которого можно было бы построить общую судьбу, вдохновленную проектом ЕЭС, и в то же время предложить компенсационное место для Турции, чьи переговоры о членстве в ЕС были остановлены. Этот проект, начатый без предварительного обсуждения с ЕС, имел встроенную предвзятость, которая могла поставить под угрозу его успех.

Избранный президентом в мае 2007 года, Николя Саркози выступил с речью в Танжере (Марокко) 23 октября того же года, более подробно описав этот проект. Это должен был быть союз, построенный вокруг проектов, но это не заменит существующих инициатив [5]. Цель состояла в том, чтобы придать ему новую динамику. Вскоре после этого немецкие официальные лица дали понять французам, что другие страны ЕС имеют диаспоры в Средиземноморье и что подобный раскол совершенно недопустим, заявив, что средства сообщества будут поглощены проектом, в котором участвуют не все члены ЕС [4, с. 37].

20 декабря 2007 года на трехстороннем саммите, проведенном Францией, Италией и Испанией, проект подвергся изменениям и стал союзом Средиземноморья (UfM). После выработки франко-германского компромисса президент Франции и канцлер Германии совместно представили Европейскому Совету в марте 2008 года проект под названием «Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья». Его основателями были не только страны Средиземноморского региона, но и все члены ЕС. Наконец, 13 июля 2008 года в Париже под председательством Франции в ЕС была официально создана UfM с участием членов ЕС и пятнадцати партнеров из Южного Средиземноморья и Ближнего Востока: Албании, Алжира, Боснии, Герцеговины, Египта, Израиля, Иордании, Ливана, Мавритании, Монако, Черногории, Марокко, Палестинской автономии, Сирии, Туниса и Турции. Это означает, что UfM – один из немногих международных форумов, который смог объединить Израиль и арабские страны вокруг общих вопросов (исключая вопрос разрешения конфликтов), и это уже можно было считать успехом, если, конечно, это не будет также дамокловым мечом над головой проекта [6]. На Парижском саммите были отобраны шесть проектов: борьба с загрязнением Средиземного моря, морские и сухопутные магистрали, Гражданская защита, план альтернативной энергетики и солнечной энергии, высшее образование и научные исследования, а также инициатива по развитию бизнеса. Она обещала форму правления, непосредственно связывающую партнеров по южному побережью, с совместным председательством государства-члена и партнера, а также генерального секретаря.

Таким образом, саммит стал настоящим дипломатическим успехом для Франции, которая сумела усадить за один стол почти всех главных действующих лиц из Европы и Средиземноморья, включая страны, между которыми продолжалась большая вражда; только Ливия Муаммара Каддафи бойкотировала встречу и критиковала проект. Примерно с этого времени началось торпедирование данного проекта при активной роли США и его сателлитов.

Несмотря на успех, в формулировке резолюции была использована риторика, которая, не могла скрыть того факта, что ни одна из фундаментальных проблем региона не была решена. Едва успели высохнуть чернила на резолюции UfM во второй половине 2008 года, как началось новое геополитическое противостояние по вопросам состава и организации исполнительной власти.

Арабские государства, отказываясь от структурного дисбаланса в евро-Средиземноморском партнерстве, в котором ЕС был представлен как единое целое, в то время как государства Южного и Восточного Средиземноморья не имели общего представителя, попросили Лигу арабских государств, созданную в 1945 году, получить статус наблюдателя и каким-то образом принимать участие, несмотря на то, что лига практически не имела опыта успешной интеграции.

Когда министры иностранных дел встретились 3 и 4 ноября 2008 года в Марселе, Израиль уступил в обмен на одну из пяти должностей заместителя генерального секретаря наряду с Палестинской администрацией, Грецией, Италией и Мальтой на трехлетний срок. Место расположения офиса генерального секретаря UfM также было предметом споров. Поскольку Сирия и Ливан претендовали на место в арабской стране, кандидатура Туниса была в конечном счете отклонена в пользу Барселоны. Таким образом, Израиль провел военную операцию в секторе Газа в период с 27 декабря 2008 года по 17 января 2009 года, чтобы положить конец ракетным обстрелам ХАМАСом на юге Израиля. Все заседания UfM были немедленно приостановлены. После усилий двух сопредседателей UfM – Николя Саркози и Хосни Мубарака – в июне 2009 года вновь состоялись совместные встречи. Наконец, 4 марта 2010 года должность генерального секретаря, которая оставалась вакантной из-за отсутствия соглашения, была назначена иорданцу Ахмаду Халаф Масаде.

Однако европейский потенциал финансирования перечисленных в 2008 году проектов вскоре был ограничен, так как осенью 2008 г. начался финансовый кризис. Затем, в конце 2010 г., на геополитические параметры UfM начал влиять новый крупный эпизод: “Арабская весна”, приведшая к свержению в январе 2011 года президента Туниса Бен Али, а в феврале 2011 года-сопредседателя UfM Хосни Мубарака в Египте. Политическая нестабильность на юге и Востоке в сочетании с экономическим кризисом и воздействием на туристическую индустрию Север-Юг и связанные с этим доходы вскоре привели к тому, что проекты «пошли ко дну» [7].

Поэтому в 2011 году ЕС принял решение о внедрении новых финансовых инструментов и осуществлении программ укрепления демократии и процветания на Южном берегу и в Средиземноморье. Однако неадекватность Барселонского процесса и перипетии UfM в принципе не помешали другим событиям в геополитических отношениях между ЕС и странами Южного Средиземноморья.

В течение нескольких десятилетий ЕС игнорировал силовую политику и концентрировался на экономической интеграции. Но за последние пятнадцать лет, когда обновились политические режимы во многих частях мира, а лидерство США сконцентрировало усилия на укреплении военно-политического инструментария влияния в Европе через структуры НАТО и внешнеполитическом влиянии на кадры ЕС, внешняя политика ЕС со своими собственными слабыми военно-политическими структурами пытается приспособиться к новой реальности.

Изменения в институциональном цикле ЕС в конце 2019 года сопровождались незнакомой риторикой. Новый президент Европейской комиссии Урсула фон дер Лейен говорила о создании «геополитической комиссии». (Термин «геополитический», используемый политиками ЕС, обычно означает подход к внешней политике, сфокусированный на распределении военной и экономической мощи и вытекающей из этого динамике власти). И она, и новый глава внешней политики ЕС Жозеп Боррель настаивали на том, чтобы профсоюз теперь должен «научиться использовать язык власти». Точно так же президент Франции Эммануэль Макрон предупредил, что Европа «исчезнет геополитически», если она не станет действовать в качестве стратегической державы. Однако следует вспомнить, что, начиная с французских государственных деятелей Жана Моне и Роберта Шумана, европейская интеграция была задумана, чтобы преодолеть наследие силовой политики, которая в прошлом привела к войне и конфликтам в Европе. Цель отцов-основателей состояла в том, чтобы заменить это наследие новой концепцией безопасности, основанной на взаимозависимости и общем суверенитете в общих институтах. К сожалению, в итоге данная инициатива оказалась заменена американской инициативой создания консолидированного Запада, в рамках которого Европе отведена роль лимитрофа континентального уровня – буфера между Западом и Россией, что пока реализуется, и это получается.

В связи с этим закономерен вопрос: а что – Европа, теряя свою политическую субъектность, находится на пути потери и цивилизационной субъектности? Или же создается новый цивилизационный формат: вместо Западноевропейского – единый с США – Западный? Окончательного ответа на данный вопрос политическая практика пока не дала. Хотя, в связи с этим, возникают не менее важные вопросы, связанные с цивилизационной субъектностью России. Суть дела такова: еще в XIX в., 200 лет назад, в связи с оформлением в России известных идейных течений – славянофильства и западничества, сложились и две парадигмы в понимании политической и культурной

идентичности России. Данные споры, дебаты время от времени оформлялись во влиятельные социально-политические проекты прогрессистской и консервативной направленности. Можно сказать, что в течение 200 последних лет они представляли главный нерв не только в рамках теоретической и политической полемики, но и больших политических проектов.

Не углубляясь детально в историю этой темы, а она и содержательна, и болезненна, подчеркнем, что споры по части цивилизационной идентичности России актуальны и поныне. Скажем только то, что в поддержку славянофильства и почвенничества в 70-х гг. XIX века нашим известным историком и мыслителем Н. Я. Данилевским была выдвинута доктрина культурно-исторических типов [8], которая в последующем была поддержана по своим соображениям и основаниям известными европейскими историками и философами – О. Шпенглером и А. Тойнби.

Н. Я. Данилевский утверждал, что «…нет единой человеческой истории, а есть череда сменяющих друг друга цивилизаций, проходящих в своей истории детство, зрелость и дряхлость. Все цивилизации реализовывались в какой-нибудь одной из четырех сфер: религиозной, культурной, политической или экономической» и только в славянской Н. Я. Данилевский надеялся на осуществление четырехосновного культурно-исторического типа» [9, с. 7]. И в этом плане Россия представляет самостоятельную, отличную от Европы, цивилизацию.

«Что же такое Европа в политическом смысле? Это есть совокупность государств, сознающих себя как одно целое, интересы которого противоположны России и славянству» [9, с. 174]. Подход Н. Я. Данилевского был поддержан Ф. М. Достоевским, К. Н. Леонтьевым, академиками Н. Н. Страховым и К. Н. Бестужевым-Рюминым. С критикой выступили известные философы, ученые В. С. Соловьев, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев и другие западники.

Как видно из исторической практики последних 150 лет, прошедших после публикации идей Данилевского, Европа не однажды доказывала свой цивилизационный антагонизм России, в том числе в двух мировых войнах. Но идея европейской цивилизационной идентичности применительно к России жива не только на доктринальном, но и на житейском уровне.

Самый последний доктринальный заход заложен в президентском Послании В. В. Путина 21 февраля 2023 г., где утверждается: «Россия – открытая страна и при этом самобытная цивилизация» [10, с. 4].

Данный подход закреплен в Концепции внешней политики Российской Федерации, которая определяет особое положение ***России как самобытного государства-цивилизации***[1].

Кстати говоря, в связи с вхождением в официальный политический лексикон новых терминов («государство-цивилизация», «локально-цивилизационный суверенитет», «цивилизационная идентичность»), следует подтвердить в научном аспекте статус новых терминов. В недавно вышедшем энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика» подчеркивается: «В современной философии, социологии и политической науке под *цивилизационной идентичностью* понимается отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса или государства с той или иной локальной цивилизацией – общностью, по преимуществу привязанной к определенному географическому ареалу и выступающей носителем таких религий, идеологий, ценностей, культурных норм и социальных практик, которые имеют свою ярко выраженную специфику, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость» [11, с. 143].

Что касается России, то она претендует уже более 150 лет на собственную цивилизационную идентичность и, вместе с этим, на собственную цивилизационную миссию патронажа жизнедеятельности справедливо организуемого сообщества многих десятков народов, этносов, сообществ и гарантий их безопасного развития.

Таким образом, следует подчеркнуть, что быстро развивающийся процесс разработки и внедрения в практику международных отношений новой децентрализованной модели глобализации опирается прежде всего на актуальный политический опыт взаимоотношений России и Европы. Определенный импульс этому процессу способна придать не только активная военно-политическая и дипломатическая практика в этом регионе (как, впрочем, и ряде других), но и начало глубокого процесса цивилизационной суверенизации самой Европы и Запада в целом.

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 31 марта 2023 г.

Список источников

1. Anders Wijkman and Ernst von Weizsäcker. Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. New York, Springer, 2018. 220 p.

2. Афанасьева И. И. Глобализация и регионализация как факторы мирового развития // Вестник Академии знаний. 2019. №33 (4). С. 33-37.

3. Выходец Р. С. Теоретико-методологическая связь геополитики с глобалистской парадигмой теории международных отношений // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. СПб.: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2015.

4. Громыко А. А., Носов М. Г. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М.: Весь мир, 2015. 592с.

5. Старостин А.М. Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс / Глава в колл. монографии «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты (научн. ред. Н.Г. Кузнецов). Ростов н/Д.: Изд. РГЭУ (РИНХ), 2019.

6. Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010.

7. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, [Электронный ресурс]:13 December 2007. - Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC

8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995.

9. Данилевский Н. Я. Политическая философия. Дополнение к книге «Россия и Европа». М.: Изд-во «ФИВ», 2013.

10. Путин В. В. Мы должны обеспечить право России быть сильной // Российская газета. 2023. 22 февраля. № 39.

11. Идентичность: личность, общество, политика. М.: «Весь Мир», 2017. 992 с.

References

1. Anders Wijkman and Ernst von Weizsäcker. *Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet.* New York, Springer, 2018. 220 p.

2. Afanasyeva I. I. Globalization and regionalization as factors of world development. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2019;33(4):33-37. (In Russ.)

3. Vykhodets R. S. Theoretical and methodological connection of geopolitics with the globalist paradigm of the theory of international relations. In: *Psychological and pedagogical problems of human and social security.* St. Petersburg: Publishing House: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters; 2015. (In Russ.)

4. Gromyko A. A., M. G. Nosov. *The European Union in Search of a Global Role: Politics, Economy, Security*. Moscow; 2015. (In Russ.)

5. Starostin A. M. Strategic directions of modern global dynamics: an interdisciplinary perspective. In: Chapter in Coll. Monographs *"Global challenges of modern development of economic systems: new risks and priorities*" (scientific ed. N.G. Kuznetsov). Rostov-on-Don: Publishing House of RSUE; 2019. (In Russ.)

6. Gladkiy Yu. N. *Humanitarian geography: scientific explication.* St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; 2010. (In Russ.)

7. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, [Electronic resource]:13 December 2007.Available from: http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL /?uri=OJ:C:2007:306:TOC

8. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance.* St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

9. Danilevsky N. Ya. *Political philosophy. Supplement to the book "Russia and Europe".* Moscow: Publishing House "THEBES", 2013. (In Russ.)

10. Putin V. V. We must ensure Russia's right to be strong. *Rossiyskaya Gazeta.* 2023. February 22. № 39.

11. *Identity: personality, society, politics.* Moscow: "The Whole World"; 2017. 992 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. А. Лобова – преподаватель ЮРИУ РАНХиГС.
А.М. Старостин – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и стратегического управления РГЭУ («РИНХ»).
Е.Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the authors

L. A. Lobova – teacher of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
A. M. Starostin – Doctor of Political Sciences, Professor Chief Researcher of the Institute of Interdisciplinary Studies of Global Processes and Strategic Management of the Rostov State University of Economics.
E. N. Tovanchova - Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department "State and Municipal Administration" of the Rostov State University of Railways.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.
The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 27.04.2023.